

Об удивительной живучести модернизационной теории

Пол
Блоккер

В последние несколько лет Восточная и Центральная Европа вновь оказалась в фокусе беспкойств по поводу конституционной демократии, верховенства закона и обеспечения прав человека. В начале 1990-х этот регион превратился в лабораторию по культивированию современных либерально-демократических обществ. Многим показалось, что процесс завершился со вступлением восточноевропейских государств в Европейский союз, который считался гарантом сохранения в них как демократических режимов, так и капиталистических экономик. Крутой разворот, продемонстрированный в недавнем прошлом обществами, всегда считавшимися в регионе самыми передовыми и прогрессивными – прежде всего речь о Венгрии и Польше, – породил огромную тревогу относительно дальнейшего демократического и правового развития Восточной и Центральной Европы. Сбои и неполадки, фиксируемые в этой сфере, соотносились наблюдателями с состоянием самого проекта европейской интеграции; несомненно, это обстоятельство усугубляло волнение.

Один аспект этой истории представляется особенно удивительным – именно он и будет обсуждаться в настоящей статье. С одной стороны, бывшие флагманы демократического прогресса в лице Венгрии и Польши сейчас расцениваются как главные подрыватели европейской демократии и верховенства закона. С другой стороны, особенности преобразований, пережитых этими странами при переходе от коммунизма к демократии и складывавшиеся во многом под влиянием внешних сил, почему-то до сих пор не стали предметом структурного анализа и научной дискуссии. Иными словами, хотя результаты демократизации и модернизации посткоммунистических стран зачастую оцениваются негативно, ключевые особенности самих этих процессов оставались в стороне от повторной критической оценки. Вместо этого утвердилась точка зрения, согласно которой нынешний откат обусловлен исключительно

Пол Блоккер¹ (р. 1972) – преподаватель факультета социологии и делового права Университета Болоньи (Италия).

1 Paul Blokker – голландец, соответственно, русская транскрипция его имени должна быть «Пауль». Однако тексты Блоккера уже переводились на русский язык, и в этих публикациях он назван Полом. См., например: Блоккер П. *Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы* // Новое литературное обозрение. 2009. № 6(100) (<https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/stalkivayas-s-modernizacziej-otkrytost-i-zakrytost-drugoj-evropy.html>). Так что мы следуем здесь за уже сложившейся транскрипцией. – *Примеч. ред.*

причудами политической воли и присвоением результатов демократизации силами популистского авторитаризма. Об этом можно было бы порассуждать весьма и весьма пространно, но в представленном тексте нас будет интересовать вполне конкретный феномен: обозначившееся в современной европейской политике постоянное и многократное обращение к специфическим политико-управленческим паттернам, которые в 1990-е были, собственно, составной частью транзита. Говоря иначе, в нынешних попытках ЕС преодолеть правовой кризис просматривается явная преемственность подходов, а именно – продолжающееся применение модернистской (или модернизационной) методологии. Решая свои исследовательские задачи, я прежде всего кратко остановлюсь на модернизации как ключевом концепте, применяемом для анализа и трактовки трансформационных процессов, уделив особое внимание расширению ЕС в 1990-е и в начале 2000-х. Далее я обращусь к нынешнему откату и к той политике, посредством которой ЕС обеспечивает верховенство права. В завершение я проанализирую базовые недостатки модернизационного подхода, критически рассмотрев его институциональный дизайн, а также ту предвзятость, которая проявляется в ходе предусмотренных им мониторинговых процедур.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

И научный, и политический анализ изменений, состоявшихся в Восточной и Центральной Европе за последние тридцать лет и воплотившихся в переходе от коммунизма к демократии, а потом к чему-то еще, принципиально не способен отрешиться от логики модернизации. Эта логика формирует идею о том, что изменения, маркируемые термином «транзит», должны пониматься как политическая и культурная конвергенция бывших коммунистических обществ с обществами Западной Европы, интерпретируемыми в качестве «зрелых» и «устоявшихся» демократий. На фоне нынешней обеспокоенности по поводу эрозии правового государства и политического отката, которые наблюдаются в ряде стран восточноевропейского региона, логика модернизации напоминает о себе в полный голос.

Говоря об исходных версиях, в которых являет себя анализ транзита, Йохан Арнасон утверждает:

«Советская модель считается проигравшей в конкуренции с Западом, а ее наследие сводится к ряду негативных моментов, включая паттерны общественного развития и человеческой ментальности, плохо сочетающиеся с рынком и продолжающие блокировать ход трансформаций. Победоносная западная модель, исходя из этой

логики, задает планы на будущее, а сама программа перехода может определяться в терминах шагов и мер, которые максимально приблизили бы рассматриваемые страны к этому реально существующему идеалу. [...] Самая фундаментальная, хотя зачастую и латентная, посылка транзитологии состоит в том, что нынешняя западная комбинация капитализма, демократии и *nation-state* (по поводу последнего фактора допускаются определенные разночтения) представляет универсальную и законченную модель, которой предстоит утвердиться повсеместно»².

Изначально подобная аргументация опиралась на суждения Фрэнсиса Фукуямы, по мнению которого, после падения коммунизма никакой альтернативы либеральной демократии попросту не было. (Этот тезис в некотором роде перекликается с введенными Юргеном Хабермасом в начале 1990-х понятиями «повторяющейся» и «догоняющей» революции³.) Модернистская версия этой идеи видит в развитии современных обществ перемещение по континууму от более авторитарных и несвободных политических систем, занимающих одну часть спектра, к более свободным и демократичным системам, расположенным в другой части спектра. Конечной целью этого движения выступает установление полноценной либеральной демократии. Соответственно, когда речь идет о современном обществе, переживающем потрясения, ведущие к краху авторитарной системы, уместно предполагать, что вслед за ним начнется более или менее автоматическое продвижение в сторону либерального демократического порядка. Такое понимание социальных изменений, однако, следует признать крайне проблематичным, так как оно исходит из того, что общества всегда и неизменно трансформируются во все более современные и модернизирующиеся формы (под «модерным обществом» в указанном контексте неизбежно понимается сплав либеральной демократии и капиталистической экономики). Наиболее сомнительным аспектом указанного восприятия социальных перемен выступает то, что в его рамках западно-европейские общества предстают единственно возможным институциональным воплощением современных демократических и капиталистических систем. Понятно, что их потенциальное разнообразие либо серьезно преуменьшается, либо полностью игнорируется⁴.

Описанный подход берет свое начало в примечательном наборе теорий, обычно объединяемых под вывеской «теории

2 ARNASON J.P. *Designs and Destinies: Making Sense of Post-Communism* // Thesis Eleven. 2000. Vol. 63. № 1. P. 89–90.

3 См.: HABERMAS J. *Die nachholende Revolution*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

4 Подробнее см.: БЛОККЕР Р. *Confrontations with Modernity: Openness and Closure in the Other Europe* // Eurozine Online. 2010. June (www.eurozine.com/articles/2010-06-15-blokker-en.html).

модернизации» и получивших развитие – в особенности в США – после Второй мировой войны. В 1970-е этот концептуальный конструкт подвергся серьезной дискредитации; не в последнюю очередь это было обусловлено тем, что его сторонники (пусть даже негласно) превозносили американскую демократию. Тем не менее указанная теория снова напомнила о себе после загадочных – или по крайней мере неоднозначных – событий 1989 года, вписавшись в порожденную ими смесь эйфории, упования, оптимизма и тревоги. Как это ни удивительно, но крайне сложные и извилистые процессы политических, социальных, экономических и культурных трансформаций понимались теоретиками модернизации как полностью управляемые и регулируемые. Сторонники подобной инженерии исходили из того, что демократию можно исчерпывающим образом представить в виде четко выстроенной институциональной констелляции, рационально и последовательно воплощаемой на практике. В такой оптике процессы демократизации и разработки конституций оказывались всего лишь копированием и внедрением ранее разработанных проектов. Демократическое правительство превращалось в машину, агрегаты которой скрепляются верховенством права, а формирование функциональной демократической системы выступало продуктом специальной инженерии. Подобный взгляд полностью соответствовал модернистской мечте Запада о «социально-политической гармонии как исчисляемом результате»⁵. Актуальная, живая борьба между политическими и социальными силами, неизменно сопровождающая трансформационный процесс, оказывалась на этом фоне чем-то второстепенным – как, собственно, и весь комплекс взглядов, ощущений, надежд и мечтаний, которые в случае стран Восточной и Центральной Европы были неотъемлемыми элементами борьбы с коммунистическим авторитаризмом.

Как это ни удивительно, но крайне сложные и извилистые процессы политических, социальных, экономических и культурных трансформаций понимались теоретиками модернизации как полностью управляемые и регулируемые.

Анализ общественных перемен, происходивших после 1989 года в Восточной и Центральной Европе, однозначно основывался на модернизационной идее. Он фокусировался на

5 См.: SUPJOT A. *Governance by Numbers: The Making of a Legal Model of Allegiance*. London: Hart Publishing, 2017.

«возвращении в Европу» и аксиоматичном предположении, что рано или поздно все бывшие социалистические общества превратятся в либеральные демократии, похожие на западно-европейские аналоги⁶. Этот транзит – между прочим термин может указывать не только на продвижение от одного этапа к другому, но и на торможение и неопределенность – обретал форму посредством процессов, основанных на «проверенном» западном опыте: приватизации в экономике и учреждении конституционных судов в политико-правовой сфере. Перемены в заданном направлении координировались или поддерживались идущими политическими проектами: в частности, процессом расширения ЕС на базе так называемых «Копенгагенских критериев». Последние основывались на наборе условий, которые предъявлялись бывшим коммунистическим обществам для того, чтобы они стали более похожими на западноевропейские страны. Акцент на конвергенции Востока и Запада сделался менее выразительным, когда было сочтено, что перепады заметно сократились – а именно, в 2004-м и 2007 годах, когда страны Восточной и Центральной Европы начали вступать в ЕС. (Изменению взгляда не могло помешать даже то обстоятельство, что Болгария и Румыния из-за их предполагаемой «инаковости» подвергались постоянному мониторингу в рамках европейского Механизма сотрудничества и проверки⁷.) В учении о транзите – «транзитологии» – новое состояние маркировалось ярлыком «консолидированной демократии». Беспокойство по поводу новоявленного разнообразия и потенциальных угроз европейской стабильности – в отношении прав человека, верховенства права или рыночной экономики – отходило на второй план по мере того, как идиосинкразии стран, десятилетиями томившихся за «железным занавесом», преодолевались посредством высокоточной политической инженерии.

ПОЛ БЛОККЕР

ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ
ЖИВУЧЕСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

- 6** Разумеется, модернизационные идеи воодушевляли не только аналитиков – они сыграли важную роль в конкретных странах, местные политические элиты которых решительно поддерживали радикальный разрыв с прошлым и потребность в коренной трансформации институтов по западным лекалам. Как отмечает Рафал Манко, комментируя правовую реформу в Польше, преобразования трактовались в образах своеобразного садоводства: в правовых пережитках социалистической законности видели «сорняки», подлежащие искоренению. См.: MAŃKO R. *Weeds in the Gardens of Justice? The Survival of Hyperpositivism in Polish Legal Culture as a Symptom/Sinhome* // *Pólemos*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 210. По словам этого исследователя, «доминирующий нарратив трансформации» основывался на схеме «возвращения в Европу»: на классической триаде «источник – путь – цель», создававшей ощущение, что Польша всегда принадлежала Западу, но после насильственного вовлечения в советскую орбиту нуждается в возвращении к естественной для нее траектории.
- 7** См., например: ŞERBAN M. *Rule of Law Indicators as a Technology of Power in Romania* // MERRY S.E., DAVIS K.E., KINGSBURY B. (Eds.). *The Quiet Power of Indicators: Measuring Governance, Corruption, and Rule of Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 199–221.

ОТКАТ

Наблюдаемые сегодня в Восточной и Центральной Европе политический откат, эрозия верховенства права и реанимация суверенитета в очередной раз вывели на первый план ушедшую было в тень модернизационную теорию. Снова ключевыми стали вопросы о том, как «нормализовать» и «цивилизовать» восточных европейцев и как заставить их общества вернуться на «нормальный» путь модернизации. Личия Чианетти и Шон Хэнли, беспокоясь в том числе о том, что изъяны теории транзита теперь воспроизводятся в теории отката, отметили недавно:

«Набирающий темпы антидемократический откат, несмотря на его реверсивную природу, напоминает все о той же... парадигме транзита, [...которая была] слишком оптимистичной. [...] При такой аналитической основе легко свести (не)демократические тенденции к перемещениям по линейной шкале “прогресс – застой – регресс”, тем самым затушевывая важные аспекты функционирования проблемных или турбулентных демократий»⁸.

Недостатки нынешних концепций отката – некоторые из них выделены Чианетти и Хэнли, другие добавлены мной – включают следующие допущения:

1. Выход из авторитаризма подразумевает автоматическое строительство (либеральной) демократии.

2. Переход от одного режима к другому можно описать с использованием линейной траектории.

3. Демократическое строительство реализуется в рамках *единственной* модели: (специфически трактуемой) либеральной демократии⁹.

4. Поскольку релевантная модель демократии и ее характерные компоненты известны заранее, их можно выражать в цифрах, измерять и оценивать посредством специальных индикаторов и чек-листов.

5. Так называемые устоявшиеся демократии относительно невосприимчивы к давлению транзита – или, как сейчас, отката, – которому подвержены прочие страны.

Модернизационный образ мышления особенно отчетливо проявился в его практическом воплощении, которым стала политика расширения ЕС. Основываясь на заведомо расплывчатом наборе критериев¹⁰, она опиралась тем не менее на безапелляционную логику модернизации. Скажем, независимость

⁸ CIANETTI L., HANLEY S. *The End of the Backsliding Paradigm* // Journal of Democracy. 2021. Vol. 32. № 1. P. 66.

⁹ По утверждению Чианетти и Хэнли, линейный и одномерный подход применяется даже в исследованиях; в качестве примера они указывают на проект «Разновидности демократии».

¹⁰ См.: КОСНЕНОВ D. *Rule of Law as a Tool to Claim Supremacy*. Reconnect Working Paper № 9. September 2020.

судебной власти должна, по идее, рассматриваться лишь как один из целого ряда инструментов, гарантирующих верховенство права, но при этом в годовых отчетах, подготавливаемых Европейской комиссией, прогресс претендентов на вступление обосновывался, как правило, исключительно стандартом независимости судов и однозначным толкованием верховенства права¹¹. Запутанные и сложные проявления «реально существующей» демократии раскладывались на идентифицируемые и измеримые компоненты, позволявшие «объективно» оценить прогресс той или иной страны – игнорируя при этом анализ как потенциальных альтернативных способов реализации демократических принципов и верховенства права, так и реального функционирования упомянутых абстрактных компонентов в реальной практике. Согласно меткому замечанию Богдана Янку, проблема может заключаться в «нездоровом стремлении наднациональных органов полагаться в оценке проявлений периферийной модернизации – таких, например, как деятельность судебных структур или реализация антикоррупционных практик, – исключительно на контрмэжоритарные и стандартизированные сценарии реформирования»¹².

Похожая технология, основанная на примитивных и абстрактных обобщениях относительно сущности демократии, конституционализма и верховенства права, возродилась, как представляется, в текущей политике верховенства права, реализуемой ЕС. В основе этой политики лежит озабоченность зеркальной антитезой транзита – то есть упомянутым выше пресловутым откатом. (Отметим, что логика движения здесь та же самая: есть фиксированный континуум, простирающийся от авторитаризма к демократии, по которому можно двигаться либо в одну, либо в другую сторону.) В действующих механизмах, обеспечивающих верховенство права, специально разработанных Европейской комиссией для противодействия откату, модернизационные мотивы предстают в явном виде. Согласно Комиссии, «когда общеевропейский стандарт может быть применен, его можно рассматривать и как эталон для оценки возможного недостатка, и как руководство для решения»¹³. Кроме того, добавляет Комиссия, «в целом считается, что ЕС имеет очень высокие стандарты в этих областях [в демократии и верховенстве права. – П. Б.]. Тем не менее эти высокие стандарты не всегда применяются одинаково, улучшения могут быть сделаны, и всегда

ПОЛ БЛОККЕР

ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ
ЖИВУЧЕСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

11 См.: PARAU C.E. *The Dormancy of Parliaments: The Invisible Cause of Judiciary Empowerment in Central and Eastern Europe* // Representation. 2013. Vol. 49. № 3. P. 267–280.

12 IANCU B. «Not What We Were Promised»: Four Answers to an Insoluble Question // Verfassungsblog on Matters Constitutional. 2021. September 17 (<https://verfassungsblog.de/not-what-we-were-promised/>).

13 *Further Strengthening the Rule of Law within the Union State of Play and Possible Next Steps. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council*. COM/2019/163final (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a52019dc0163>).

есть риск отступить»¹⁴. В последнем докладе Комиссии, посвященном этой теме (2021), это сформулировано следующим образом: «Поддержание верховенства права требует бдительности и постоянного совершенствования, так как в этой области всегда присутствует опасность отступления назад»¹⁵.

Подход, основанный на верховенстве права, неявно влечет за собой разграничение между «добропорядочными» и «откачивающимися» государствами-членами. И, хотя операционализация верховенства права, как утверждает Комиссия, базируется вроде бы на ряде объективных критериев, в реальности такие критерии выводятся из кейсов, которые принято считать «успешными»¹⁶. Кроме того, и в документах ЕС, и в научных публикациях просматривается тенденция объединять верховенство права с демократией, сводя последнюю к набору осязаемых и фиксируемых критериев, свидетельствующих о наличии первого. По общему мнению, в первом отчете Европейской комиссии (2020), который посвящен верховенству права, однозначно выделяется *взаимозависимость*, посредством которой подчеркиваются важность смычки демократии и верховенства права, а также их общие корни:

«Европейский союз основывается на своде общих ценностей, включая фундаментальные права человека, демократию и верховенство закона. Это фундамент наших обществ и нашей общей идентичности. Демократия не может процветать без независимых судов, гарантирующих защиту фундаментальных прав и гражданских свобод, без активного гражданского общества, без свободных и плюралистичных средств массовой информации. [...]

Превентивная политика и массовые кампании повышают активность граждан, поддерживая уважение и внимание к верховенству права. Журналисты-расследователи, независимые медиа и надзор со стороны гражданского общества исключительно важны для обеспечения подотчетности лиц, принимающих решения»¹⁷.

Однако в практических подходах, применяемых Комиссией в отношении отката от демократии, акцент делается исключительно на верховенстве права как *институциональном активе*, который поддается идентификации и измерению. Ме-

14 2020 Rule of Law Report: The Rule of Law Situation in the European Union. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM/2020/580final (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?qid=1602583951529&uri=cel-ex%3a52020dc0580>).

15 EUROPEAN COMMISSION. 2021 Rule of Law Report (https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/rule-law-mechanism/2021-rule-law-report_en).

16 См., например: GINSBURG T., VERSTEEG M. *Rule of Law Measurement* // MAY C., WINCHESTER A. (Eds.). *Handbook on the Rule of Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 494–512.

17 EUROPEAN COMMISSION. 2020 Rule of Law Report (https://ec.europa.eu/info/publications/2020-rule-law-report-communication-and-country-chapters_en).

тодологическая часть цитируемого отчета фокусируется су-
губо на «четыре столпах», среди которых «система право-
судия, антикоррупционные установления, плюрализм СМИ и
институциональные элементы, связанные с системой сдержек
и противовесов»¹⁸. В каждом из указанных «столпов» выде-
ляются компоненты, которые идентифицируются и описыва-
ются посредством данных, извлекаемых из таких источников,
как «Табло правосудия» ЕС, служба «Евробарометр», опросы
общественного мнения, прецедентное право, разнообразные
формы мониторинга. По утверждению Джованни Мартино,
общеевропейская политика основывается на нисходящем и
институционально ориентированном контроле над привержен-
ностью фундаментальным ценностям ЕС, и в особенност-
и – верховенству права¹⁹. Восприятие этих ценностей осно-
вывается на причинно-следственной связи, преподносящей
верховенство права в качестве стабильного и измеряемого
conditio sine qua non демократии. Оценка же верховенства
права посредством индексов, в построении которых преоб-
ладают экспертные мнения, а не систематический анализ его
бытования в конкретном обществе²⁰, вписывается в минима-
листское («тонкое») толкование ситуации конкретной стра-
ны, ориентированное на формально-институциональные ее
аспекты. На первый план выходит абстрактная «правовая ра-
циональность» Макса Вебера (или то, что Роджер Коттеррелл
называет «правовым доминированием»²¹), а не живое право и
анализ того, как его верховенство проявляет себя на местах.

ПОЛ БЛОККЕР

ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ
ЖИВУЧЕСТИ МОДЕРНИЗА-
ЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Подход, основанный на верховенстве права, неявно влечет за собой разграничение между «добропорядочными» и «откатывающимися» государствами.

Возможен, однако, и иной, более нюансированный, плюра-
листичный, отличающийся исторической и социологической
чуткостью и отвергающий редукционизм подход к демократии
и верховенству закона. Он восприимчив к историческим тра-

18 ИДЕМ. *2020 Rule of Law Report – methodology* (https://ec.europa.eu/info/files/2020-rule-law-report-methodology_en).

19 MARTINO G. *Defending the Rule of Law in the European Union: Is It Sufficient to «Police» EU Values?* MA Thesis 2019/202. Global Campus Europe: EMA, 2020.

20 В этом контексте показателен, например, чек-лист вопросов для оценки соблюдения верховенства права, одобренный Венецианской комиссией, которая создана Советом Европы. См.: VENICE COMMISSION. *Rule of Law Checklist*. 2016 ([www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad\(2016\)007-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2016)007-e)); GINSBURG T., VERSTEEG M. *Op. cit.*

21 См.: COTTERRELL R. *Images of Europe in Sociolegal Traditions* // GESSNER V., NELKEN D. (Eds.). *European Ways of Law: Towards a European Sociology of Law*. Oxford: Hart Publishing, 2007. P. 21–40.

екториям демократического и правового развития, видя в них процессы и взаимодействия, протекающие внутри общества, – а не институциональные объекты. Такой подход влечет за собой ряд важных следствий. В частности, в его рамках подчеркиваются социологические и общественные аспекты демократии и верховенства права; поэтому он не согласуется с тем подходом, который ставит во главу угла стандартизацию верховенства права посредством однобокой институциональной трактовки этого феномена, воплощаемой в «списках существенных характеристик» или чек-листах.

Редукция верховенства права – в ходе которой оно предстает чем-то вроде субститута демократии – к набору якобы выверенных и универсальных стандартов оборачивается двоякой проблемой. Во-первых, возникает иллюзия, будто бы демократию и верховенство права вполне можно ухватить в морфологии характеристик и индикаторов, извлекаемых из реально существующих кейсов. Между тем, как утверждает Салли Энгл Мерри, «индикаторы – всего лишь статистические показатели, которые используются для того, чтобы консолидировать сложные данные в простые ранжиры, воспринимаемые политиками и общественностью; в них индивидуальная специфичность и конкретика контекста игнорируются ради поверхностного, но стандартизированного знания»²². Во-вторых, если говорить о строительстве демократии и обеспечении верховенства права, то складывается необоснованное представление о том, будто обладание базовыми индикаторами и характеристиками открывает дорогу для разработки конкретных и применимых способов устройства государства и общества²³. Этот легалистский подход можно представить и так: он фокусируется на реальных, но по большей части *поверхностных* аспектах функционирования правовых институтов и отбрасывает в сторону «живое верховенство права», от которого функционирование законности и демократии зависит самым решительным образом – в плане как фактического применения закона, так и его достижений в социальной и политической реальности²⁴.

22 MERRY S.E. *Measuring the World Indicators, Human Rights, and Global Governance* // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52. P. 86; см. также: MERRY S.E., DAVIS K.E., KINGSBURY B. (Eds.). *Op. cit.*; HERTOCH M. *Your Rule of Law Is Not Mine: Rethinking Empirical Approaches to EU Rule of Law Promotion* // *Asia Europe Journal*. 2016. Vol. 14. № 1. P. 43–59.

23 См.: KRYGIER M. *Why the Rule of Law Is Too Important to Be Left to Lawyers* // *Prawo y Wiez*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 18–19.

24 В указанном контексте уместно сослаться на неоднократно и настойчиво предъявляемое европейскими институтами требование, касающееся формальной независимости судебной власти, не подкрепляемое глубоким анализом реального функционирования такой независимости в ходе борьбы с различными социально-политическими проблемами – например, с коррупцией. Подробнее об этом см.: IANCU B. *Post-Accession Constitutionalism with a Human Face: Judicial Reform and Lustration in Romania* // *European Constitutional Law Review*. 2010. Vol. 6. № 1. P. 28–58; ИДЕМ. *Separation of Powers and the Rule of Law in Romania: The Crisis in Concepts and Contexts* // BOGDANDY A. VON, SONNEVEND P. (Eds.). *Constitutional Crisis in the European*

Последствия описанной ситуации разнообразны, но мы ограничимся упоминанием лишь двух из них. Главная проблема здесь такова: к всестороннему пониманию того, как работают демократия и верховенство права, можно прийти только в том случае, если исследователь хорошо знает конкретный (исторический) контекст, в котором они действуют. Разумеется, на этот трюизм можно не обращать внимания – но только на свой страх и риск. Примеры демократического и правового экспорта, демонстрирующие создание потемкинских «форм без содержания», весьма многочисленны. В методологической перспективе это означает, что сложное функционирование демократии и верховенства права на низовом уровне, а также их особое значение в местных контекстах – присущая им роль в разрешении реальных проблем – должны стать неотъемлемой частью нашего толкования и анализа как демократии, так и верховенства права. А другим важным следствием, касающимся демократии и законности, выступает то, что сосредоточенность исключительно на правовых и судебных институтах влечет за собой редукцию верховенства права к преимущественно *функциональному концепту*, который, обслуживая дальнейшее развитие юридической и иерархической архитектуры ЕС, а также продолжение интеграции на заданной основе, оборачивается полнейшим игнорированием демократических и социальных аспектов верховенства права на местах²⁵.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕМАРКИ

Модернизационная парадигма, применяемая в отношении посткоммунистической трансформации, проблематична по целому ряду причин. Во-первых, она излишне упрощает реалии демократии и права, жертвуя в этой примитивизации частностями и особенностями специфических общественных траекторий. Партикулярные вызовы вроде политической борьбы вокруг продолжения демократического транзита, которые можно наблюдать сегодня в Венгрии и Польше, не рассматриваются как нечто уникальное – скорее в них видят формы отката, в ходе которого эти страны изменяют бесспорному идеалу и утвержденному проекту. Во-вторых, модернизационный подход не допускает разнообразия путей к демократии и разнородности самого демократического опыта. В частности, мне уже приходилось отмечать, что, хотя прежняя история успеха Польши как страны-пионера демократизации сейчас превратилась

Constitutional Area. Baden-Baden: Nomos, 2015. P. 164–183; ИДЕМ. *Quod licet Jovi non licet bovi? The Venice Commission as Norm Entrepreneur* // *The Hague Journal on the Rule of Law*. 2019. Vol. 11. № 1. P. 189–221.

25 См.: SMITH M. *Staring into the Abyss: A Crisis of the Rule of Law in the EU* // *European Law Journal*. 2019. Vol. 25. № 6. P. 561–576; KOCHENOV D. *Op. cit.*

в историю отката, другие сложные кейсы, подобные, например, случаю Румынии, которая и успехов не продемонстрировала, и к авторитаризму до конца не скатилась, остаются не слишком понятными и мало обсуждаемыми²⁶. Более того, долгосрочные и структурные политические проблемы и конфликты вообще едва ли имеют шансы на признание в подходе, который остается, по сути, презентационным и фокусируется на ежегодном мониторинге. В-третьих, жестко отстаиваемая скупость допустимых индикаторов, показателей и стандартов демократии и верховенства права влечет за собой несомненные негативные эффекты. Иными словами, отворачиваясь от единичных случаев отклонения, стандартизированная политика не в состоянии формулировать точные и эффективные ответы на специфически местные вызовы, подобные коррупции, клиентелизму и авторитаризму. В-четвертых, модернизационная и технократическая перспектива уделяет мало внимания буквальному значению демократии, а именно – самоуправлению заинтересованных граждан. Из-за этого импульсы, идущие снизу, оказываются вторичными по отношению к институциональному дизайну. Наконец, в-пятых, и это, возможно, самое важное: модернизационный подход игнорирует внутренние структурные проблемы, которые могут содержаться в его собственных идеализированных «дорожных картах» и базовых стандартах. Сказанное отчетливо проявляется в таких сферах, как независимость судебной власти (здесь уместно вновь упомянуть о «правовом доминировании»), применение демократических стандартов и подотчетности в правовых системах, соотношение между инструментальной легитимностью закона и прочими ценностно ориентированными и социально обусловленными формами легитимности²⁷.

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук РГГУ

- 26** BLOKKER P. *Constitutional Politics and Populist Conservatism: The Contrasting Cases of Poland and Romania* // *European Politics and Society*. 2021. July. P. 1–18. По той же теме см. также: CIANETTI L. *Consolidated Technocratic and Ethnic Hollowness, but no Backsliding: Reassessing Europeanisation in Estonia and Latvia* // *East European Politics*. 2018. Vol. 34. № 3. P. 317–336. Лиция Чианетти обсуждает откат, противопоставляя его «пустым формам», о которых писал Бела Грешковиц. По ее мнению, страны, обычно рассматриваемые как стабильные демократии – например, Эстония или Латвия, – можно тем не менее трактовать как проблемные «пустые формы» демократии, в которых стабильность остается кажущейся, а значительные сегменты общества исключены из демократического процесса. Это указывает на основную проблему модернизационных подходов, а именно на то, что из-за односторонней сосредоточенности на институциональном дизайне зачастую упускаются из виду структурные проблемы того или иного общества – например, исключение этнических меньшинств или других маргинализированных групп из политической жизни.
- 27** COTTERRELL R. *Op. cit.*; PARAU C. *Transnational Networking and Elite Self-Empowerment: The Making of the Judiciary in Contemporary Europe and Beyond*. Oxford: Oxford University Press, 2018.